

Методологический индивидуализм и методологический институционализм²

В статье анализируются возможности и ограничения основополагающего постулата *mainstream economics* – принципа *методологического индивидуализма*, рассматривается его роль в контексте основных школ экономической мысли и доминирующих общенаучных парадигм. Обсуждаются иные концептуальные основания экономической теории, преодолевающие ограничения методологического индивидуализма при анализе экономических систем – *институциональный индивидуализм* и *методологический институционализм*. Обозначены перспективы и значение методологического институционализма, конкретизирующего гносеологический принцип холизма в экономических исследованиях, для формирования концептуального ядра гетеродоксной экономики.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, методологический институционализм, институциональная теория

JEL: B50, B51, B52

В многолетних дискуссиях об адекватности современной экономической теории, обострившихся после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг., все чаще на первый план выходят вопросы методологии. Они активно обсуждаются за рубежом и в России на страницах журнала «Вопросы экономики» (см., например, Автономов, 2013; Вудфорд, 2012; Дози, 2012; Кэй, 2012) и других экономических изданий (рубрика «Экономический империализм» как научная парадигма» журнала «Общественные науки и современность», статьи по актуальным вопросам экономической теории в журнале «Экономическая наука современной

Кирдина Светлана Георгиевна (kirdina@bk.ru), д. с. н., завсектором эволюции социально-экономических систем ФГБУН Института экономики РАН, г. Москва.

² В основу статьи положен доклад автора на научном семинаре Института экономики РАН «Теоретическая экономика» 23 мая 2013 г.

Автор выражает благодарность В. Л. Тамбовцеву, а также анонимным рецензентам за ценные замечания и соображения.

России» и т.д.). Все больше ученых разделяют тезис о том, что именно неадекватность методологических установок основных разделов современной *mainstream economics*³ служат причиной недостаточного «объясняющего аспекта» и нежизнеспособных практических рекомендаций экономической теории (Блауг, 2002. С. 63). Поэтому необходима «глобальная методологическая чистка» (Балацкий, 2012. С. 148) и создание новой методологии, соответствующей сложности многомерного взаимозависимого мира.

Мы согласны с тем, что без ревизии базовой методологии трудно преодолеть кризис экономической теории. Поэтому задача статьи состоит в том, чтобы проанализировать основополагающий постулат методологического ядра *mainstream economics* – принцип методологического индивидуализма. Будет рассмотрена его роль в контексте основных школ экономической мысли и доминирующих общенаучных парадигм. Мы покажем, для решения каких исследовательских задач принцип методологического индивидуализма является наиболее адекватным, и каковы его ограничения. С этой целью будут рассмотрены философские основания методологического индивидуализма как редукционистского подхода в общественных науках, а также особенности методологического холизма. Также обсуждаются смежные методологические подходы – *институциональный индивидуализм* (Agassi, 1975; Toboso, 1995, 2001, 2008) и *методологический институционализм* (Keizer, 2007; Кирдина, 2013). Последнему в статье уделяется особое внимание, поскольку на его основе возможно построение нового концептуального ядра гетеродоксных экономических исследований, дополняющих *mainstream economics*.

³ *Mainstream economics* называют также ортодоксальной экономической теорией, т.е. доминирующей школой экономической мысли, которой сегодня является неоклассическое направление (Colander at al., 2004. P. 490). Мэйнстриму как ортодоксальной теории противостоит гетеродоксная экономика, включающая направления, «не опирающиеся на набор далеких от жизни исходных предпосылок ортодоксии» (Dequech, 2007. P. 295). Общим для гетеродоксной экономики является явно или неявно разделяемый «взгляд на социальную реальность как открытую, процессуальную и внутренне взаимосвязанную (Lawson, 2006. P. 497).

Принцип методологического индивидуализма в концептуальном ядре *mainstream economics*

Методологический индивидуализм: определение

Принцип методологического индивидуализма связывается, прежде всего, с экономическим мейнстримом, или *mainstream economics*. В наше время он представляет собой своего рода концептуальную популяцию экономистов-неоклассиков⁴, объединенную общими идеалами и нормами экономических исследований. Единство обеспечивается, прежде всего, общностью исходных предпосылок экономического анализа. Принцип методологического индивидуализма реализуется в необходимом взаимодействии со следующими базовыми постулатами (основными предпосылками) мейнстрима:

- модель рационального (ограниченно рационального) экономического агента с наличием устойчивых предпочтений,
- принцип максимизации, определяющий экономическое поведение агентов рынка в соответствии с категорией субъективной полезности,
- наличие конкуренции (разного вида) между агентами,
- возможность достижения рыночного равновесия, связываемая с ростом предельных издержек по мере постепенного увеличения выпуска, или «законом убывающей отдачи» факторов производства.

Если ранее Г. Беккер (Becker, 1976) отмечал особую роль постулатов максимизации, рыночного равновесия и устойчивых предпочтений, то в последние годы происходит дальнейшее уточнение содержания базовых предпосылок. К ним добавляются аксиомы о полной информированности субъектов рынка; трактовка субъектов рынка как «представительных

⁴ Не все поддерживают отождествление мейнстрима с неоклассикой, см. Тамбовцев, 2008. С. 131.

агентов» – единообразных добросовестных индивидов и фирм; представления о том, что мотивация субъектов рынка (заработная плата, доход на капитал, прочие доходы) определяется по общим законам рыночного ценообразования (Ольсевич, 2013. С. 11) и др.

Хотя ученые, посвятившие специальные монографии анализу методологического индивидуализма, скептически относятся к тому, чтобы достичь окончательной договоренности по поводу его содержания (Udehn, 2001), необходимо ввести хотя бы рабочее определение. Обобщая многие подходы, можно заметить, что методологический индивидуализм **«предполагает объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения»**. Именно это, по определению Стивена Люкеса, составляет содержание принципа методологического индивидуализма (Lukes, 1973. Цит. по: Ходжсон, 2003. Р. 98). Хотя индивидуализм не представляет собой «апологию эгоизма», тем не менее, согласно данному принципу, все экономические феномены анализируются «через призму» индивидуальных действий экономических субъектов.

Схожие определения приводят и многие другие авторы (Л. Лахманн, Дж. Элстер, М. Аоки и др.), которых цитирует в своей работе авторитетный методолог экономической науки из Великобритании Джеффри Ходжсон (Hodgson, 2007. Р. 98-99). Экономический субъект - таковым может полагаться как индивид, так фирма и даже государство - служит главной отправной точкой теоретического анализа (Шаститко, 2002. С. 36). Как отмечает Фернандо Тобозо, методологический индивидуализм означает, что социальные события не только на микро-, но и на макроуровне, такие как инфляция, безработица, организационные изменения, эволюция культурных норм и др., могут быть объяснены в терминах индивидуальных действий (Toboso, 2001. Р. 670). Все они рассматриваются с позиций абстрактного индивидуума, который пытается получить более выгодные преимущества (неоинституционалисты включают в них и социальные нормы/правила)

вследствие конкуренции в условиях существования определенных издержек (неоинституционалисты включают в них также издержки согласования).

При этом разные исследователи вменяют экономическому субъекту (*homo economicus*) те или иные особенности, которые объясняют его экономическое поведение. Речь может идти о человеке, склонном максимизировать положительные ощущения и избегать наказания, то есть о своего рода «машине удовольствия», или *pleasure machine* (Edgeworth, 1881). При этом удовольствие можно понимать достаточно широко, включая не только физическое, но также ментальное, духовное и пр. (Mill, 1961). Дж. М. Кейнс считал индивида склонным к сбережениям и подверженным «денежным иллюзиям», М. Фридмен и Э. Фелпс отмечали «адаптивные ожидания» экономических агентов, в то время как Р. Лукас, Т. Сарджент и Н. Уоллес полагали, что для индивида характерны «рациональные (макрорациональные) ожидания» (Худокормов, 2009. С. 182).

При этом, чем бы ни руководствовался экономический субъект – стремлением к максимизации полезности, или желанием сохранить статус-кво, избегать риска и неопределенности (Ольсевич, 2007), или привычками, традициями и нравственными устоями по В. Смиту, или стремлением к достижению «контрольных цифр» роста продаж, темпов роста, доли рынка по Г. Саймону (Худокормов, 2009. С. 34) – именно индивидуальное поведение представляется главным для понимания сути экономических процессов, причем не только на микро-, но и на макроуровне.

Система постулатов ортодоксальной экономики, основанная на принципе методологического индивидуализма, берет начало от известного труда «Принципы экономической науки» Альфреда Маршалла (Marshall, 1890). С середины XX века она представляет собой уже согласованный набор постулатов, разделяемый большинством экономистов-неоклассиков. К этому времени принцип «методологического индивидуализма» терминологически был введен в программу экономических исследований Й. А. Шумпетером, который «дал название тому, что уже и так объединяло

неоклассических авторов и отличало их от своих классических предшественников» (Допфер, 2008. С. 112). Базирующаяся на принципе методологического индивидуализма система постулатов сохраняет свою устойчивость, и пока не сложилось альтернативного сравнимого по популярности и проработанности направления экономического знания, базирующегося на иных методологических предпосылках.

Отмеченная устойчивость мировоззренческого ядра, или *hard core*, по Лавоие (Lavoie, 1992), ортодоксальной экономической теории, а также явная или неявная приверженность нескольких поколений экономистов принципу методологического индивидуализма объясняет возможности постоянного синтеза предпринимаемых теоретических инноваций с мейнстримом.

Так, в свое время Дж. М. Кейнс (Кейнс, 2012/1936) показал, что рыночная экономика страдает внутренней неустойчивостью и невозможностью установления рыночного равновесия в силу неопределенности соотношения сбережений и инвестиций, невозможности достижения полной занятости и др. Его выводы о том, что государственные расходы и «социализированные» инвестиции в связи с этим следует рассматривать как эндогенные экономические переменные, представлялись сначала как «кейнсианская революция». Но впоследствии идеи Кейнса были использованы для уточнения условий рыночного равновесия: Дж. Хикс и П.А. Самуэльсон адаптировали идеи Кейнса для неоклассической теории (Дзарасов, 2004. С. 37), осуществив так называемый «неоклассический синтез». Правомерность такого синтеза оправдана тем, что Кейнс также моделировал экономику индивидов, максимизирующих свою полезность, для чего дополнительно ввел соответствующие функции потребления и инвестиций. Другими словами, он также рассматривал экономику с позиций методологического индивидуализма, что позволило соединить его идеи с неоклассикой.

То же справедливо в отношении современной поведенческой теории. «При своем появлении на свет она рассматривалась как альтернатива

традиционной неоклассической микротеории и всему западному мейнстриму в целом. Однако в настоящий момент нарождается тенденция включения behavioral economics в состав «основного ядра» экономической теории Запада» (Худокормов, 2009. С. 38). Это связано с сохранением приверженности принципу методологического индивидуализма, поскольку, как известно, Э. Фелпс призвал «ввести индивидов в экономические макромоделю», а Дж. Акерлоф вслед за ним отмечал, что «макрэкономика должна быть основана на подобных поведенческих соображениях» (Там же. С. 46).

Аналогичная ситуация характеризует неоинституциональную экономическую теорию, которая, хотя и развивает неоклассику, но в значительной степени опирается на ее базовые постулаты и «осталась в рамках ее парадигмы» (Нестеренко, 2002. С11). Как отмечал М. Блауг, «школа институциональной теории представляет собой не более чем легкую склонность к отступлению от ортодоксальной экономической науки» (1994. С. 958). О. Уильямсон в 2000 г. высказался еще более определенно: «институциональная экономика инкорпорирована в ортодоксию» (Williamson, 2000. P. 596). По сути «новая институциональная экономика... представляет собой применение экономических (неоклассических) методов анализа к явлениям, традиционно не входившим в предмет исследования экономической науки: организационным и правовым рамкам экономической деятельности» (Автономов, 2010. С. 175). Поэтому «методологически новая институциональная экономика аналогична неоклассической экономической теории» (Keizer, 2007. P. 5). В неоинституциональной теории институты рассматриваются как «правила игры», сознательно созданные индивидами для организации взаимодействия с целью структурирования стимулов обмена и уменьшения трансакционных издержек при максимизации полезного эффекта (Норт, 1997. С. 16). Порой их понимают как социальные организации, «формирующие долговременные рутинизированные схемы поведения» индивидов (Ходжсон, 2003. С. 37) или как устойчивые

стереотипы индивидуальных действий - «рутины» (Нельсон, Уинтер, 2002) и т.п.

Во всех этих случаях исследователи исходят из предпосылки методологического индивидуализма, предполагающего объяснения становления и развития институтов «в терминах индивидуального человеческого поведения». Как отмечает О.И. Ананьин, даже основатель новой институциональной экономики Д. Норт пишет о том, что экономика «отказывается от изучения того *контекста* (курсив мой – С.К.), в котором делается выбор» (Ананьин, 2013. С. 34), концентрируюсь собственно на экономическом поведении. Поэтому трудно не согласиться с тем, что «и по своей методологии, и по теоретическому содержанию, и по общему социальному смыслу выводов неoinституционализм продолжает - в преобразованном, модифицированном виде - линию либеральной экономической теории, уходя корнями в традиции неоклассики» (Худокормов, 2009. С. 194; см. также: Худокормов, 2007. С. 653-687).

В данном случае сохраняет свою актуальность замечание Дж. Коммонса о том, что, несмотря на разнообразные теоретические новации, по сути анализируется «экономика максимизации чистого дохода. В последние годы эта теория объединила определенные институциональные факторы ... под термином «несовершенная конкуренция», «монополистическая конкуренция», «конкурентная монополия». ... Однако даже если их усложнить эволюционными моментами, теория эта по-прежнему останется экономикой максимизации чистого дохода ...» (Коммонс, 2007/1936. С. 60), изучаемой с позиций методологического индивидуализма.

Очередной «новый неоклассический синтез» зафиксирован совсем недавно (Woodford, 2009). Отмечается, что в рамках мейнстрима удалось соединить уже не только неоклассическую модель общего рыночного равновесия и кейнсианскую макроэконометрическую стохастическую модель, но дополнить его теориями рациональных ожиданий, реального делового цикла и монетаристской теорией инфляции (Ольсевич, 2013. С. 20-

21). Как и на предыдущих этапах, возможность очередного синтеза обусловлена общностью базовых предпосылок популяции экономистов, объединенных общими идеалами и нормами экономических исследований. Принцип методологического индивидуализма играет среди них ведущую роль.

Методологический индивидуализм, школы экономической мысли и исследовательские парадигмы

Принцип методологического индивидуализм, как и связанный с ним набор постулатов, разделяется не всеми экономистами, или не всеми экономистами в равной мере. Представители разных научных школ экономической мысли, как и приверженцы различающихся общенаучных парадигм, отводят ему, как будет показано, неодинаковое место.

В современной экономике основными научными школами являются, как часто отмечают, неоклассическая, австрийская и марксистская⁵. Вслед за Дэвидом Янгом мы согласны с тем, что, несмотря на разнообразие альтернативных подходов и так называемых региональных школ (Фрайбургская, Чикагская, Лондонская и др.), именно отмеченные выше характеризуются специфичностью исходных философских и методологических предпосылок, определенными историческими корнями и принятыми оригинальными образцами исследовательских программ (Young, 2002. P. 49), обобщая в себе разнообразные течения и направления экономической мысли. По-видимому, можно предположить, что серьезно работающие в области экономической теории ученые явно или неявно принадлежат к одной из этих школ, поскольку исходят из допущений,

⁵ В некоторых современных учебниках такое направление, как неокейнсианство, также полагается одной из школ экономической мысли. Однако чаще полагают, что в данном случае речь идет об определенном течении в экономической теории (как, например, неоинституционализме), а не самостоятельной школе экономической мысли.

принятых в названных школах экономической мысли, даже если и не отдают себе в этом явного отчета.

Неоклассическая (neoclassical), австрийская (Austrian) и марксистская (Marxian) школы являются сегодня основными конкурирующими современными «мета-теориями». Все другие исследовательские подходы, в том числе и институциональный, как можно увидеть далее, определенно соотносятся с одной из этих школ.

В настоящее время **неоклассическая школа**⁶, или ортодоксальная экономика образует, как отмечает большинство исследователей, мировой мейнстрим экономической теории, она массово представлена в университетских учебниках, ее представители чаще других получают Нобелевские премии. Особенности неоклассической школы заключаются в ее исходных предпосылках, которые были представлены ранее.

Гораздо менее популярна **австрийская школа**. Особенностью австрийской школы⁷, как известно, является важнейшее положение о том, что социальные и рыночные явления следует объяснять под углом зрения конкретной деятельности конкретных людей, поскольку лишь человек способен думать, оценивать, выбирать и действовать. Как писал один из основателей и крупнейших представителей австрийской школы К. Менгер, «человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный путь всяческого человеческого хозяйства» (Автономов, 1992. С. 89). Последовательный монистический субъективизм (только отношение того или иного субъекта к благу определяет его ценность) является важнейшей особенностью австрийской школы. При этом субъект может ошибаться (он не рационален, как предполагают неоклассики), и эти ошибки также будут играть свою роль

⁶ Термин «neoclassical economics» впервые употребил американский институционалист Т. Веблен (Veblen, 1919) для обозначения современных ему ортодоксальных экономистов (см. McCormick, 2006. P. 141).

⁷ К австрийской школе относят несколько поколений ученых, включая К. Менгера, Е. Бём-Баверка, Ф. фон Визера, Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека, Б. Андерсона, М. Ротбарда, О. Моргенштерна, иногда Й. Шумпетера и др.

в формировании ценности благ. Для «австрийцев» особую роль имеет фактор времени и фактор неопределенности, они признают изменчивость поведения субъектов во времени и динамику ценностных установок, что не позволяет установиться общему равновесию, как это признается в неоклассической теории.

Тем не менее, представители австрийской школы также «исповедуют» методологический индивидуализм, «согласно которому все социальные феномены – их структура и их изменение – в принципе могут быть объяснены при помощи одних только индивидов: их свойств, их целей, их воззрений и их действий» (Gintis, 1987. P. 5). Если в отношении таких постулатов неоклассической теории, как возможность достижения рыночного равновесия, австрийская школа придерживается прямо противоположного мнения, то в отношении принципа методологического индивидуализма их позиции совпадают (Udehn, 2002. P. 485).

Марксистская школа экономической мысли, в отличие от предыдущих, объединяется вокруг идей лишь одного экономиста, давшего ей свое имя. Тем не менее, она достаточно разнородна как в силу многогранности трудов самого Карла Маркса, так и фантазии его интерпретаторов. С точки зрения нашего предмета она представляет, тем не менее, особый интерес, поскольку дает основания для переосмысления принципа методологического индивидуализма, в отличие от безусловно принимающих его неоклассической и австрийской школ.

Для марксистской школы оказывается небесполезным сконцентрироваться на взглядах самого Маркса, а не его последователей, поскольку для критического анализа принципа методологического индивидуализма оригинальные идеи Маркса наиболее плодотворны.

Первая черта, отличающая его взгляды от экономистов других школ, состоит в признании роли материальной среды для экономической деятельности. Результаты хозяйствования определяются не только особенностями поведения экономических субъектов, но и *материально*

обусловлены уровнем развития производительных сил. При этом марксова диалектика и исторический материализм указывают на взаимозависимость общественного сознания, социальной практики и условий, в которых живут люди. Таким образом, в результатах любой социальной деятельности, в том числе экономической, находят свое отражение и сознательный человеческий, и материальный «средовой» факторы.

Другой особенностью подхода Маркса является признание того, что разный характер и уровень развития производительных сил обуславливает различие институциональной среды, в которой действуют экономические субъекты. Маркс заложил основания сравнительного анализа «множественности» экономик в соразмерных им понятиях (капиталистическую он рассматривал лишь как одну из них). Если представители двух вышеназванных школ исходят фактически из одного типа экономики, предполагающего рыночную конкуренцию (Ананьин, 2013. С. 29), то Маркс выделяет в своем анализе исторически сменяющие друг друга способы производства, отличающиеся типом доминирующих «надындивидуальных» экономических отношений (институтов).

Принцип методологического индивидуализма занимает различное место в исследованиях не только основных школ экономической мысли, но и в зависимости от общенаучных парадигм, которых придерживаются те или иные обществоведы.

В нашем понимании *парадигма имеет более широкий смысл и «выходит за рамки» собственно экономической (как и любой другой дисциплинарной) теории*⁸, к которой мы относим названные выше школы, потому и называется общенаучной парадигмой.

Действительно, принадлежность к той или иной научной школе отражает, прежде всего, набор квалификационных профессиональных знаний экономиста-теоретика, его (ее) понятийно-терминологическую

⁸ Предложенный ракурс анализа парадигмы отличается от подходов О.И. Ананьина, Г.Б. Клейнера, Я. Корнаи и др., которые говорят о наличии парадигм в собственно экономической теории.

систему, связанную с определенным способом исследования экономических явлений, характер научных связей и соотнесенность с соответствующим кругом специальной научной литературы.

В отличие от этого, парадигма характеризует, как правило, не специальную дисциплину (например, экономику), но науку в целом или группы наук (например, социальные или естественные науки). Закрепленное Т.С. Куном (Кун, 1975) в методологии науки понятие парадигмы предполагает некое принципиальное видение мира и общие мировоззренческие, философские ценности, характер принятых символических обобщений, схожие концептуальные схемы и образцы решения задач. Следование той или иной парадигме характеризует экономиста-теоретика не как специалиста в своей узкой предметной области, но как ученого в широком смысле этого слова, показывает специфику его (ее) общефилософского видения вне зависимости от той или иной конкретной школы экономической мысли, которую он(а) развивает.

Опыт показывает, что можно принадлежать к одной школе экономической мысли, но придерживаться разных парадигм, и наоборот. Поэтому для рассмотрения ограничений и перспектив принципа методологического индивидуализма выявление особенностей основных общенаучных парадигм, которые используются современными экономистами, представляется весьма полезным.

Хронологически ранее других известна **антропоцентричная парадигма**. Еще античный философ Протагор писал в V в. до н.э., что «Человек есть мера всех вещей», а затем принцип антропоцентризма был развит другим древнегреческим философом Сократом. Концепции в духе антропоцентризма характерны не только для общественных, но и естественных наук. Например, антропный принцип является одним из фундаментальных принципов современной космологии (Казютинский, 2000. С. 131). В социальных науках антропоцентричная парадигма находит свое выражение в том, что самостоятельность индивида как субъекта свободного

выбора и ответственного поступка является центральной предпосылкой развиваемых на этой базе концепций. Приоритеты личности перед интересами любых сообществ и неотчуждаемость ее естественных прав также формируют ядро методологических допущений антропоцентричной парадигмы (Смирнова, 2000. С. 142). Антропоцентричная парадигма выражается во взгляде на экономику как «науку об индивидуальном человеческом поведении». Общество при таком подходе понимается как совокупность множества индивидуумов, формирующих правила (институты) в результате преднамеренного или непреднамеренного (спонтанного) поведения.

Эволюционная парадигма, оформившаяся как система взглядов гораздо позже (хотя ее черты находят еще у греческих *философов-досократиков*), рассматривает процесс экономического развития как неравновесный процесс, в котором действуют не отдельные индивиды, а популяции экономических субъектов, подчиненные законам эволюции: наследственности, изменчивости (мутации) и естественного отбора. Эволюционную парадигму связывают прежде всего с именами Чарльза Дарвина и Альфреда Уоллеса (середина XIX в.), однако аналогичные идеи, например, идею «борьбы за существование» как основы социального развития Томас Мальтус сформулировал еще в 1799 г.

Эволюционная парадигма в экономике предполагает необходимое разнообразие агентов и конкуренцию за ресурсы, поддерживаемую «завистливым сравнением» (по Т. Веблену). Следствием закона естественного отбора является приспособление к внешней среде, выживание сильнейшего и передача в популяции свойств, способствующих выживанию, хотя и имеют место мутации.

С эволюционной парадигмой связан широкий спектр экономических теорий. Так, Й. Шумпетер отмечал «марксистский эволюционизм» (Шумпетер, 2004/1954), в котором Маркс соединил модель политической экономии с идеей эволюции.

В неоклассической школе исследования в рамках этой парадигмы известны как «эволюционная экономика» (Сопин, 2009). Хотя по ряду позиций эволюционные экономисты противопоставляют себя неоклассическому мейнстриму⁹, они явно или неявно продолжают следовать важнейшим исходным предпосылкам неоклассики. К таким предпосылкам относятся представления о рациональных индивидах (экономических агентах), ориентированных на максимизацию полезности и действующих в конкурентном рыночном пространстве. Фактически можно говорить о том, что представители эволюционной экономики дополняют неоклассику исследованиями фактора неопределенности, что связано с неполнотой информации. Также они рассматривают адаптацию как один из видов максимизирующего поведения экономического агента, например, в условиях доминирующего дизайна (Нельсон, Уинтер, 2002. С. 74-75) и вводят при этом дополнительные правила рационального выбора, включая рутины (институты) и др. Эти уточнения, как правило, уже включены в корпус неоклассики.

Таким образом, эволюционная парадигма в экономике (точнее, сформулированные в ее рамках теоретические подходы) в ряде случаев также подразумевает предпосылку методологического индивидуализма в своем концептуальном ядре. Как можно видеть, даже представленный в недавней работе Джованни Дози «Великий эволюционный проект» (Dosi, 2012), претендующий заместить «пустые», по его мнению, исследования неоклассической школы релевантным экономическим анализом, опирается на этот принцип. Методологический индивидуализм в этом случае лежит в основе неравновесного (в отличие от неоклассики) взаимодействия агентов,

⁹ Так, представители эволюционной экономики не приемлют идеи равновесия, выделяют различные стратегии поведения агентов (отмечают неоднородность агентов), уделяют большее внимание случайным стохастическим факторам и процессам развития. Но, как отмечают исследователи науки, это «не означает невозможности интеграции некоторых идей эволюционной теории в неоклассическую парадигму» (Автономов, 2001, гл. 36).

признаваемых ограниченно рациональными, разнородными, способными обучаться и так далее (Дози, 2012. С.31).

Следующая парадигма, которая также представлена в умах современных экономистов - **системная парадигма**. Если эволюционная парадигма сформировалась к концу XIX века, то системная парадигма развивается и становится распространенной относительно недавно. Она связана с распространением системного подхода во второй половине XX века (Лившиц, 2013).

Системная парадигма, в отличие от предыдущих, предполагает концентрацию не столько на поведении экономических субъектов, сколько на характеристиках и динамике экономической системы в целом. В силу специфики системной парадигмы придерживающиеся ее ученые менее других склонны следовать принципу методологического индивидуализма. Работы наиболее выдающихся представителей системной парадигмы - К. Маркса, позднего Й. Шумпетера, В. Ойкена и К. Поланьи, - очевидное тому свидетельство.

Если схематически представить сферу действия методологического индивидуализм (и связанного с ним концептуального ядра экономического мейнстрима) в отношении основных научных школ и разных парадигм, то можно увидеть следующую картинку (см. Табл.). Заштрихованные квадранты указывают на проявление принципа методологического индивидуализма в исследованиях соответствующих школ экономической мысли и общенаучных парадигм.

Табл. Принцип методологического индивидуализм (МИ) по отношению к основным школам экономической мысли и научным парадигмам

Школы экономической	Основные парадигмы		
	Антропоцентричная	Эволюционная	Системная

МЫСЛИ			
Неоклассическая	МИ	МИ	-
Австрийская	МИ	МИ	-
Марксистская	МИ	МИ	-

Прежде всего, методологический индивидуализм (МИ) характерен для исследователей, придерживающихся антропоцентричной парадигмы. Неслучайно философы отмечают, что в ее рамках основными полагаются либеральные ценности и ценности индивидуума, а важнейшей методологической установкой является анализируемый нами принцип методологического индивидуализма (Смирнова, 2000. С. 142). Если для представителей неоклассической и австрийской школ экономической мысли этот тезис вряд ли требует специальных доказательств, то для марксистской школы, известной своим «социоцентризмом», такое утверждение неоднозначно. Поясним, что в данном случае речь идет о специфической группе исследователей, развивавших так называемый «аналитический марксизм» (Райт, 2007; Хаиткулов, 2009). Его представители (Э.О.Райт, Дж. Коэн, Дж. Элстер, Дж. Ремер и др.), отрицая методологический холизм и диалектику К. Маркса, стремились сохранить некоторые марксовы категории и одновременно использовать методологию неоклассики (математические методы, теорию игр). Также для них был характерен акцент на интенциональных действиях индивидов, что описывалось у них понятием «марксизм рационального выбора». Правда, активное время работ этой школы было относительно недолгим (1980-1990-е гг.).

Методологический индивидуализм характерен также для представителей неоклассической и австрийской школ, работающих в рамках эволюционной парадигмы. Они образуют кластер исследований в области современной эволюционной экономики, в которой сохраняется, как было отмечено выше, опора на принцип методологического индивидуализма.

В то же время марксистские экономические исследования в рамках эволюционной парадигмы, или «марксистский эволюционизм», как определил его Й. Шумпетер (Шумпетер, 2004/1954)), опираются на этот принцип в меньшей мере. В этой связи следует отметить, что в разнообразном теоретическом наследии Маркса представлены исследования, основанные порой на противоположных подходах. Хотя его, как правило, считают сторонником «методологического коллективизма», известно знаменитое утверждение К. Маркса и Ф. Энгельса, повторенное ими вслед за Л. Фейербахом: "История - не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека" (Маркс, Энгельс, 1955. С. 102). Следуя такому взгляду, в классовой теории К. Маркс опирается, по сути, на принцип методологического индивидуализма, пусть и с широким привлечением к анализу социальных факторов. В то же время Маркс утверждал: "Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого" (Маркс, 1955, т. 8. С. 119). Основа человеческой истории определяется теми условиями, в которых люди находятся, общественной формой, существовавшей до них, созданной не этими людьми, а результатом деятельности прежних поколений (Маркс, Энгельс, 1968. С. 97). Эти высказывания концентрируют внимание исследователей на анализе макроструктур и институтов, т.е. задают взгляд на общество с позиций холистического подхода. Здесь общество рассматривается как исторически развивающаяся совокупность отношений между людьми, складывающаяся на основе постоянных изменений форм и условий жизнедеятельности в процессе взаимодействия с окружающей

средой. Поэтому проявление принципа методологического индивидуализма в марксистской школе в рамках эволюционной парадигмы в целом неоднозначно, что и выражается в слабой заштрихованности соответствующего квадранта таблицы.

Если же говорить о принципе методологического индивидуализма в экономических исследованиях, проводимых в рамках системной парадигмы, то здесь ему трудно найти место. По своему определению системная парадигма направлена на изучение другого уровня, «слоя» реальности, обладающего эмерджентными, по отношению к индивидуальному уровню, свойствами. Хотя все «слои» экономической реальности взаимосвязаны, и один зависит от другого, тем не менее, свойства верхнего уровня (являющегося предметом рассмотрения в системной парадигме) несводимы к элементам уровня индивидуумов и не выводимы из них. Соответственно, опора на принцип методологического индивидуализма не позволяет решать научные задачи изучения экономических систем в целом.

От методологического индивидуализма – к институциональному индивидуализму и методологическому институционализму

Методологический индивидуализм и методологический холизм

В работах экономистов, неудовлетворенных возможностями методологического индивидуализма, оппозицией ему нередко выступает принцип методологического холизма. В этом случае речь может идти, как полагают его сторонники, о рассмотрении общества как целостной системы, отличающейся от суммы образующих его индивидов. Соглашаясь «по духу» с такой трактовкой, полагаем необходимым рассмотреть данный принцип более тщательно.

Принцип методологического холизма – это гносеологическая

философская предпосылка, исследуемая со времен Аристотеля (IV век до н.э.). Суть холизма состоит в понимании того, что «целое больше суммы своих частей». При этом холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения возникающих при взаимодействии элементов в системе новых качеств или свойств, отсутствующих у элементов.

В гносеологии холизм противостоит редукционизму, при котором специфика целого «ищется» в составляющих его частях, а само целое понимается как набор образующих его первичных элементов. Методологический редукционизм и методологический холизм по-разному интерпретируют системы, рассматривая их либо как аддитивные, в которых система образуется как сумма своих частей, либо как эмерджентные или целостные, с наличием особых качеств. Живые и социальные системы принадлежат, как правило, ко второму виду.

Редукционизм и холизм, также как анализ и синтез - два комплементарных познавательных приема, эффективных для решения различных исследовательских задач, и они достаточно широко используются в разных системах знания, как естественнонаучных, так и социально-гуманитарных. Каждый из этих приемов полезен, но, будучи гипертрофированным, может терять свое гносеологическое значение¹⁰. Ограничения методологического редукционизма могут свести высшее к низшему, отказав высшим формам в специфике и самостоятельности. Это характерно, например, для биологизма при рассмотрении социальных систем. В свою очередь, абсолютизация целостности может приводить к отрыву высшего от низшего как в структурном, так и в генетически-эволюционном отношении. В экономике это может выражаться в пренебрежении к анализу механизмов обеспечения целостности

¹⁰

Новый философский словарь.

dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1332/ХОЛИЗМ – просмотр 25 февраля 2013 г.

экономических систем, а также в излишней абстракции экономических категорий, что было характерно, на наш взгляд, для политической экономии социализма.

Методологический холизм и методологический редукционизм являются частями общей системы научного познания и необходимо предполагают друг друга (Аршинов, 2001. С. 430). В то же время в разных науках они находят, как правило, свое конкретное воплощение в зависимости от предметного поля.

В экономической теории *принцип редукционизма находит свое выражение в принципе методологического индивидуализма*. Как отмечается в соответствующей статье «Словаря терминов по институциональной экономике», «в экономической теории методологический индивидуализм представляет собой реализацию общефилософского принципа методологического редукционизма, поскольку выводит свойства системы (экономики) из свойств ее элементов»¹¹ (Литвинцева, 2001). Используя упрощенные модели homo economicus, данный принцип позволяет выявить некоторые закономерности экономического поведения, преимущественно на микроуровне, и, что важно, широко использовать математическое моделирование для анализа экономических процессов.

Что же касается принципа *методологического холизма*, то в экономической теории он до сих пор использовался, если можно так сказать, «напрямую», *без уточнения его специфики в отношении предметного поля экономической науки*.

Поскольку динамическая целостность экономической системы обеспечивается структурами действующих в ней институтов, то неслучайно, что впервые термин *холизм* стал применяться представителями институциональной экономической теории, точнее, традиционного, или

¹¹ Литвинцева Г. А. (2001). Словарь терминов по институциональной экономике. <http://vocable.ru/dictionary/96> просмотр 2 марта 2013 г.[Litvintseva GA (2001). Glossary on institutional economics. <http://vocable.ru/dictionary/96> view March 2, 2013]

оригинального институционализма (original institutionalism). Пионером в использовании термина *холизм* был Аллэн Грочи (Allan Gruchy), употребивший его в 1947 г. (Toboso, 2001. P. 768). С тех пор в институциональной теории не прекращаются дебаты между сторонниками методологического индивидуализма и методологического холизма в отношении того, какой из принципов более релевантен для анализа институциональных и организационных изменений. Это показал Фернандо Тобозо, ссылаясь, прежде всего, на работы Малкольма Разерфорда, сторонника методологического холизма (Rutherford, 1989), и Ричарда Ланглуа (Langlois, 1989), его теоретического оппонента (Toboso, 2008. P. 5). Также Тобозо опирается на публикации Д. Секлера (Seckler, 1981), Р. Коуза (Coase, 1984), У. Даггера (Dugger, 1990), Э. Фуруботна (Furubotn, 1993), У. Маки (Maki, 1993) и др. Участники дискуссий отмечают, что представители новой институциональной теории опираются преимущественно на принцип методологического индивидуализма, в то время как сторонники традиционного институционализма используют обычно холистический подход. Однако полной ясности по поводу того, что означает объяснение в терминах холистического подхода, нет даже среди его сторонников (Toboso, 2001. Pp. 767-770).

Тобозо обращает внимание на следующие версии методологического холизма. Первая связана с дюркгеймовской позитивной теорией и ее экономическими интерпретациями. Сторонников этой версии объединяет признание того, что действия индивидов могут быть правильно и должным образом объяснены только при рассмотрении их как элементов другого объекта (целого) и позиций, которые они в нем занимают (Wilber, Harrison, 1978; Rutherford, 1994). Поэтому при анализе человеческих действий надо обращать внимание на те *объекты*, частью которых они являются (группы, ассоциации, партии, корпорации, государство и др.), существовавшие до них и определяющие тот набор ограничений, с которыми индивидам приходится сталкиваться. Вторая версия связана с признанием наличия коллективного

субъекта, который обладает системной силой, в отношении которой трудно определить персональную ответственность. Поэтому при анализе институциональных изменений необходимо выявлять эти системные «неперсональные» силы, которые управляют изменениями. Придерживающиеся холистического подхода ученые, по Разерфорду (Rutherford, 1994) различаются тем, в какой мере они признают роль и силу социального целого, влияющего на поведение индивидов¹².

Одним из результатов дебатов между представителями разных подходов является также признание того, что оба подхода не являются достаточно удовлетворительными. В связи с этим декларируется целесообразность некоего третьего пути (middle way), но консенсуса в этом направлении до сих пор не достигнуто. Наиболее известной в зарубежной научной литературе попыткой найти третий, «срединный путь» в экономическом анализе, прежде всего для изучения институциональных изменений, является формулировка так называемого принципа «институционального индивидуализма».

*Институциональный индивидуализм как попытка «срединного» пути
между методологическим индивидуализмом и холизмом*

Одним из первых о таком подходе, как институциональный индивидуализм (institutional individualism), заявил Йозеф Агасси, указав, что поведение индивидов определяется не только их целями, но и институтами, которые образуют часть тех обстоятельств, в которых индивиды действуют (Agassi, 1960. P. 247). Ларс Уден отмечает, однако, что в работе 1960 г. Агасси рассматривал институциональный индивидуализм как новую версию методологического индивидуализма (Udehn, 2002. P. 489), от чего позже отказался (Agassi, 1975). Однако Ян Жарви, принявший институциональный

¹² Нельзя не заметить, что при так понимаемом холистическом подходе поведение индивида (а именно «коллективного индивида») продолжает оставаться основным предметом экономического анализа.

индивидуализм Агасси (Jarvie, 1972), продолжал называть его методологическим индивидуализмом (Udehn, 2002. P. 489).

Тем не менее, Уден полагает, что существует важное отличие между этими двумя принципами. Так, с позиций методологического индивидуализма социальные институты объясняются как результат поведения людей. При институциональном индивидуализме, напротив, институты выступают в качестве причины объяснения поведения людей. Однако это является характеристикой холистического подхода, поэтому не может быть сведено к принципу методологического индивидуализма (Ibid). В связи с этим для такого анализа целесообразен новый термин «институциональный индивидуализм». Уден отмечает, что данной стратегии (наряду с методологическим индивидуализмом) придерживались Джеймс Бьюкенен, Рональд Коуз, Дуглас Норт и Оливер Уильямсон (Ibid. P. 490).

Дальнейший анализ принципа институционального индивидуализма представлен в работах Фернандо Тобозо (Toboso, 1995, 2001, 2008). Он рассматривает его как срединный путь (*middle way*) между методологическим индивидуализмом и холизмом, как способ не-системного и не-редукционистского объяснения. Институциональный индивидуализм, как он полагает, позволяет ввести в экономические теории и модели институциональные аспекты человеческих взаимодействий, происходят ли они внутри стабильных структур, легальных правил и социальных норм, или они пытаются изменить эти правила и нормы (Toboso, 2001. P. 766).

Особенность подхода Тобозо состоит в том, что для него пропагандируемый им институциональный индивидуализм не является частью *жесткого ядра* базовых предпосылок (*hard core assumptions*), а лишь аналитической программой, способом анализа. Его могут осуществлять как «традиционные институционалисты» с их холистическим подходом, так и новые институционалисты с их редукционистским методологическим индивидуализмом - и те и другие могут оставаться в русле основных предпосылок соответствующей школы. Поэтому введение

институционального индивидуализма не ведет к конвергенции традиционного и нового институционализма.

По мнению Тобозо, главной особенностью институционального индивидуализма является объяснение *человеческого поведения* [курсив мой – С.К.) не как основанного на предпосылках о рациональности, но как ‘non-calculated behavior’” (Ibid. P. 671), т.е. поведения, определяемого нормами и правилами. Можно сказать, что предлагается использовать не модель *homo economicus*, но модель *homo institutus*. . Ссылаясь на Агасси (Agassi, 1975), Тобозо поясняет, что подход с позиций институционального индивидуализма предполагает изучение роли социальных и институциональных факторов при изучении человеческих взаимодействий и их последствий. Другими словами, институциональные факторы привлекаются как объясняющие переменные.

Тобозо вводит следующие три предпосылки, каждая из которых является «составной частью» подхода институционального индивидуализма (Toboso, 2002. P. 677):

- 1) Только субъекты могут преследовать свои цели и продвигать интересы – эта предпосылка обособляет его от методологического холизма. Она означает, что нет никакого внеперсонального системного фактора, обладающего собственной динамикой. Хотя институты и существуют, но в дискурсивную модель они включаются только при соблюдении (Тобозо пишет «при диктате») всех трех предпосылок;
- 2) Формальные и неформальные наборы институциональных правил, влияющие на взаимодействия между субъектами, являются частью объясняющих переменных – это предпосылка отличает институциональный индивидуализм от методологического индивидуализма;
- 3) Существенные институциональные изменения всегда являются результатом независимых или коллективных действий некоторых

субъектов и всегда осуществляются внутри широких институциональных рамок.

Следует также отметить указание Тобозо на то, что институциональный индивидуализм как тип объяснения (анализа) чаще используется в прикладных работах, докладах и изданиях, чем в теоретических трудах. Тем не менее, он приводит некоторые примеры такого типа анализа в работах традиционных (Schmid, 1987) и новых (North, 1993) институционалистов.

Суммируя взгляды сторонников институционального индивидуализма, мы видим, что он не предлагается в качестве специфической базовой предпосылки новой теоретической платформы. Взгляд исследователей по-прежнему фокусируется на анализе человеческих взаимодействий и фигуре *homo*, хотя круг условий, оказывающих на них влияние, расширяется за счет включения институтов. Речь идет, по сути, лишь о более мягком варианте принципа методологического институционализма, когда микро- и «макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов» (Полтерович, 2011. С. 107), или его расширенной версии, по-прежнему сохраняющей «объяснение общественных явлений в терминах индивидуального поведения».

Поэтому более интересным и важным с точки зрения построения альтернативой теоретической платформы представляется принцип «методологического институционализма». Его презентация является основной инновационной частью настоящей статьи.

*Методологический институционализм как реализация
методологического холизма в обществоведении*

Вновь подчеркнем, что общие гносеологические предпосылки, к которым относятся редукционизм и холизм, в конкретных науках

реализуются в определенных формах в зависимости от их предметного поля. В экономических исследованиях редукционизм, как было показано выше, находит свое выражение в принципе методологического индивидуализма, при котором объектом рассмотрения является поведение индивидов. В чем же находит свое выражение холизм, предполагающий рассмотрение экономики как системного целого? Только ли в том, что предлагается альтернативный способ объяснения поведения индивидов характером социальной системы (Watkins, 1952. Цит. по: Тамбовцев, 2008. С. 135), как полагают методологи экономической науки?

На наш взгляд, с этим можно поспорить. Напомним, что холистический подход означает работу с чертами системы, не сводимыми к свойствам входящих в нее элементов и не выводимыми из них. Но индивидуумы (со своим экономическим поведением) являются как раз элементами системы, и поэтому их изучение - какие бы факторы не принимались при этом во внимание - не позволит нам судить о свойствах экономической системы в целом. Поэтому вряд ли можно признать «холистический» подход традиционных институционалистов в полной мере проявлением принципа методологического холизма для анализа экономики.

Исходя из того, что целостность экономических систем обеспечивается структурами институтов¹³, объектом анализа при холистическом подходе, на наш взгляд, могут быть прежде всего институты. Поэтому реализацией методологического холизма в экономических исследованиях является, на наш взгляд, так называемый *методологический институционализм*.

Под методологическим институционализмом¹⁴ понимается подход к исследованию любой социальной, в том числе экономической системы (от

¹³ Здесь не рассматривается культурный контекст, являющийся предметом изучения другой науки – культурологии.

¹⁴ В отличие от термина «методологический институционализм» в науковедении, когда при анализе развития научных направлений речь идет об «институционализации»

микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов) и *объяснение* общественных явлений в терминах функционирования и изменения институциональной структуры.

Хотя базирующийся на этом принципе анализ не нов для социологов и политологов и применяется также в экономических исследованиях (как будет показано ниже), его осмысление находится, по-видимому, на начальном этапе. В свое время, как было отмечено ранее, появление термина «методологический индивидуализм» послужило оформлением концептуального отличия неоклассиков от классической политэкономии спустя десятилетия после фактического размежевания между ними. Очевидно, осознание специфики альтернативной теперь уже по отношению к неоклассике методологии также займет некоторое время - научная рефлексия по поводу предпосылок, которые фактически использует рыхлая пока еще гетеродоксия (Dequech, 2007. P. 279), находится в начале пути. Укажем на некоторые особенности этой рефлексии.

Прежде всего, методологический институционализм не следует понимать лишь в онтологическом смысле, имея в виду институты как объект анализа. Речь идет об ином взгляде (*vision*) на экономическую реальность, когда институты полагаются главной исследуемой причиной наблюдаемых феноменов и различий экономической жизни (как при методологическом индивидуализме такой причиной понимается определенное рамками исходных постулатов поведение индивидов). Другими словами, основное внимание уделяется контексту, в котором действуют индивиды - системе правил, институциональной среде.

Одной из редких пока работ, где, среди прочего, вводится и обсуждается термин методологический институционализм (*methodological institutionalism*), является препринт (*discussion paper*) Пита Кейзера из

методологий», характеризующих структуру и развитие науки (Фролов, 2002, 2008; Марача, 2003).

Утрехтского университета, посвященный методологическому анализу изучения институтов в социологии и экономике. Сутью веденного им понятия *methodological institutionalism* он считает *уровень* объяснения того или иного устоявшегося явления и *связанность с действующими на этом уровне правилами*, идет ли речь о правилах внутри фирмы или на макроуровне (Keizer, 2007. P.13-14). Задача состоит в выделении наиболее стабильного институционального уровня, регулирующего деятельность тех или иных акторов, и его последующего изучения. С этим мы согласны.

В то же время утверждение Кейзера о том, что методологический институционализм представляет собой «синтез методологического коллективизма как макроподхода и методологического индивидуализма как микроподхода» (Keizer, 2007. P. 20), что снимает противоречие между микро- и макроуровнем (Ibid.), вызывает недоумение и делает позицию Кейзера не очень понятной, а его логику – сугубо формальной.

На наш взгляд, проблема сложнее. Переход от микро- к макроуровню анализа не связан с агрегацией «индивидов в коллектив». Имеет место переход к новому качеству. Принцип методологического институционализма позволяет «уловить» это новое институциональное качество, характеризующее макроуровень экономического анализа и не представленное напрямую на уровне индивидов.

Условно особенности экономического анализа с позиций методологического институционализма по сравнению с предпосылкой методологического индивидуализма представлены на рисунке.

Рис. Взгляды на экономику с позиций методологического институционализма и методологического индивидуализма

Можно видеть, что при изучении экономики (в центре рисунка), где сосуществуют индивидуумы и определяющие характер их поведения институты, сторонники методологического индивидуализма фокусируют свое исследование на изучении поведения индивидуумов, а сторонники методологического институционализма – на анализе структуры взаимодействующих, поддерживающих друг друга или находящихся в противоречивом единстве институтов. Принцип методологического институционализма обращает наше внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения – институты.

Чтобы продемонстрировать трудности такого видения, обратимся к метафоре, которая, выступая посредником между известным и неизвестным, позволяет «навести внимание на путь адекватной вербализации» (Кузьмина, 2006. С. 50). Метафорически институты в обществе можно представить как силовые линии электромагнитного поля, формирующие саму его структуру.

Как и силовые линии, институты непосредственно невидимы, хотя и существуют, и мы можем их фиксировать. Посредством магнитного поля осуществляется взаимодействие между движущимися заряженными частицами. Аналогично, при посредстве институтов осуществляется взаимодействие активных социально-экономических субъектов, институты упорядочивают эти взаимодействия. Как брошенные железные опилки распределяются вдоль силовых линий магнитного поля, создаваемого постоянным магнитом, так и люди – «вброшенные» в социальную жизнь, распределяются по «силовым институциональным линиям». Институт обмена сопоставит друг другу продавцов и покупателей, действующих по определенным рыночным правилам. В свою очередь, институт редистрибуции задает взаимодействие центра и связанных с ним участников редистрибутивного экономического процесса, и т.д. В институтах фиксируются важные для стабильного развития соглашения, исторически найденные социальными акторами в ходе противоречивых и порой конфликтных взаимодействий. Поэтому с позиций методологического институционализма экономика – это не взаимодействующие агенты, а система правил, по которым они взаимодействуют (Дози, 2012. С. 38).

По Д. Норту, институты являются целостной конструкцией, включающей в себя формальные (конституции, общее право, инструкции) и неформальные (соглашения, нормы и кодексы поведения) ограничения на человеческие действия, равно как и принуждения к их исполнению (North, 1993; см. также: Норт, 1997. Р. 16)¹⁵. Как при попытке переместить железные опилки с силовых линий можно наблюдать их возвратное движение, так и механизм санкций в случае отклонения поведения людей от принятых норм возвращает их к действию по существующим правилам.

¹⁵ Аналогичное определение дают социологи: институты представляют собой "устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности" (Давыдов, 1990. С. 117).

Заметим, что бытующее разделение институтов на так называемые «формальные» и «неформальные» представляется нам неточным, хотя и весьма распространено. При таком разделении речь идет лишь о правилах деятельности в формальной и неформальной сферах. Поэтому сам термин «институт» является в данном случае лишним, избыточным. Например, законы представляют собой законы, а не институты, точно также как традиции – это традиции, а не институты. Организации или фирмы также не являются институтами, если исследуются с точки зрения своего устройства.

На наш взгляд, именно тогда возникает необходимость употребить понятия «институт», или встать на позиции методологического институционализма, когда речь действительно идет о новом исследуемом явлении, о таких сплавах формальных и неформальных ограничений, которые действуют с неизбежностью «силовых линий» и структурируют общество (и его подсистемы) как исторически воспроизводящую структуру человеческих взаимодействий. Институтам принадлежит системообразующая роль в общественной жизни, поскольку они поддерживают ее «каркас», формируют комплекс возможного и предсказуемого поведения, уменьшают неопределенность в обществе. Институты также развивают структуры существования социума - и экономики как его подсистемы - в изменяющейся внешней среде и при эндогенных изменениях в обществе – росте образования, изменении демографических параметров, уровня развития территории и др. В них находит свое выражение общественный консенсус по важнейшим жизненно необходимым условиям развития. Если нет институтов, то нет и социальных систем, разновидностью которых является экономика.

Приведем примеры реализации принципа методологического институционализма в экономических исследованиях.

Американо-канадский экономист венгерского происхождения Карл Поланьи (1886-1964) поставил своей задачей «описать хозяйства... в соответствии со способом институциональной оформленности

экономического процесса» (Polanyi, 1957). Такой подход, по мнению Поланьи, «позволил избавиться от заблуждений искусственного отождествления хозяйства с его рыночной формой» (Поланьи, 2002. С. 64). Он отказался от характерных для *mainstream economics* понятий ограниченности, выбора и дефицита, описывающих экономику с позиций методологического индивидуализма (Там же. С. 65). Вместо этого Поланьи сосредоточился на анализе социетальных условий, от которых зависят единство структуры и стабильность экономического процесса в целом, на экономических и неэкономических институтах, в которых укоренено человеческое хозяйство (Там же. С. 68). Это позволило ему обнаружить характерные способы связи (*patterns*), которые он назвал формами интеграции. Как известно, Поланьи выделил следующие три типа связей: реципрокность, редистрибуция и обмен, и формы их «институциональной поддержки». В результате сформировалась методология, применимая для анализа реальных экономических систем разных стран и для разных исторических эпох, которая развивается, в том числе и в России, в теории раздаточной экономики (Бессонова, 2012) и теории институциональных матриц (Иванов, 2003. С. 609-610; Осипов, 2010. С. 153-154; Кирдина, 2001/2000; 2007). Вышеуказанная теория все чаще используется для анализа динамики транзитивных обществ как альтернатива теориям модернизации и глобализации (Sandstrom, 2012).

Другим примером реализации принципа методологического институционализма служат теоретические разработки немецкого экономиста Вальтера Ойкена (1891–1950). Он определил, что в основе многообразия экономических систем лежит ограниченное количество «чистых форм» - свободное рыночное хозяйство или центрально-управляемое хозяйство. Отличие между ними состоит в методах согласования хозяйственных планов и решений. Каждая экономическая система имеет свои отличия и особенности, свои формы экономических *порядков*, реализующих «чистые формы», т.е. системы организации и разделения труда, кредитных

отношений, заработной платы, ценообразования и т.д. (Eucken, 1939). Основное искусство экономической политики состоит в подготовке и оформлении общехозяйственных условий применительно к экономике в целом (Eucken, 1965). Теория экономических порядков В. Ойкена стала методологической основой «социального рыночного хозяйства», установленного в Германии в послевоенный период и обеспечившего «немецкое экономическое чудо». До сих пор разработанные Ойкеном и его последователями положения и подходы учитываются при разработке экономической политики ФРГ и способствуют ее стабильному росту.

В России сошлемся на работы Г.Б. Клейнера. Он также полагает методологический институционализм в качестве основного принципа институционального подхода в экономической теории и опирается на него при разработке теории экономических систем, или системной экономики (Клейнер, 2013).

Итак, принцип методологического институционализма, уже активно используемый зарубежными и российскими исследователями при анализе экономики, означает приоритетное рассмотрение ее особых свойств - в данном случае институтов, - которые отсутствуют у составляющих систему индивидов. Ядро связанных с этим принципом предпосылок только формируется, но методологи экономической науки уже могут его «высветить» в работах, относимых к направлению сравнительного институционального анализа. Поскольку ученые данного направления (к которым относят и цитированного выше В. Ойкена), заняты изучением экономических систем как целого, то они невольно опираются на принцип методологического институционализма, поскольку институты обеспечивают целостность исследуемых ими объектов.

Представленный О.И. Ананьиным свод общих методологических принципов этого направления, обозначаемого также как экономическая компаративистика, базируется на трудах Т. Купманса и М. Монтисаса, Э. Нойбергера и У. Даффи, работах В. Ойкена и регуляциониста Р. Буайе. О.

Ананьиним выделены следующие характерные предпосылки исследований в этой области:

- холистический подход, то есть фокус анализа направляется на рассмотрение системы в целом, а не на поведение индивидов;
- разработка универсального и системно-нейтрального языка для описания исследуемых систем;
- определение изучаемой системы как институциональной структуры (институциональный подход, предполагающий построение базовой структуры институтов, или институциональных форм);
- формирование на этой основе типологии таких систем (сравнительно-типологический метод анализа);
- интерпретативная методология, которая находит свое выражение в выявлении латентных обобщенных структур и затем осмысливании конкретных социальных систем как их частных случаев (Ананьин, 2002. С. 9-10, 12).

Приверженцами и «первооткрывателями» принципа методологического институционализма в экономической теории мы полагаем великих классиков прошлого Карла Маркса (1818-1883) и Торстейна Веблена (1857-1929).

Для Маркса институты - хотя сам термин им практически не использовался - были основанием изучаемой с позиций исторического материализма «объективной реальности», к которой вынуждены приспосабливаться люди. В свою очередь, структура институтов (К. Маркс рассматривал такие сферы их действия как экономика, политика и идеология) материально обусловлена уровнем развития производительных сил. Наконец, учет историчности институтов – впервые об этом Маркс писал в своем анализе экономического развития Западной Европы в XV-XIX вв. – также является особенностью марксистского анализа институтов.

Для Веблена институты также были частью его эволюционной картины мира. Как и Маркс, Веблен придавал важное значение

технологическому фактору в становлении институтов, рассматривал их развитие как естественно-исторический процесс (частью которого являются революции). Сформулированное Вебленом кредо экономической теории как эволюционной науки о том, что она «должна быть теорией культурного роста как процесса, определяемого экономическим интересом, теорией кумулятивной последовательности экономических институтов, сформулированной в терминах процесса» (Веблен, 2006/1898. С. 28), позволяет по праву отнести его к основоположникам принципа методологического институционализма в экономической теории.

Указание на особую роль Маркса и Веблена в становлении гетеродоксных направлений, реализующих принцип методологического институционализма, содержится в книге нынешнего президента Association for Evolutionary Economics австралийского ученого Филлипа А. О'Хары «Маркс, Веблен и современная институциональная политическая экономия» (O'Hara, 2000).

Как можно видеть, базирующиеся на принципе «методологического институционализма» гетеродоксные экономические исследования формируют не только новые исследовательские программы, но и дают полезные политические рекомендации. Если в отношении экономического мейнстрима общим местом становится тезис о том, что «аналитический потенциал современной экономической науки превосходит практические нужды общества, что делает само экономического знание малорезультативным» (Балацкий, 2012. С. 141), то для гетеродоксных направлений ситуация противоположная. Их возможности – по крайней мере, судя по официальным заявлениям - еще недоиспользуются в современной экономической политике.

Заключение

Подытоживая сделанный анализ, во-первых, отметим, что принцип

методологического индивидуализма, формирующий категориальное ядро экономического мейнстрима, является устойчивым элементом большинства теоретических концепций неоклассической и австрийской школ экономической мысли. Он сохраняет свое значение в ортодоксальной экономике, обеспечивая постоянное наращивание пояса теорий в рамках экономического мейнстрима и возможности перманентных «синтезов» и включения новых знаний в рамки более чем сто лет развивающегося направления. В то же время прогностическая и объяснительная сила новых теорий ортодоксии все больше подвергается сомнению.

Во-вторых, за пределами экономического мейнстрима развивается направление так называемой гетеродоксной экономики, где принцип методологического индивидуализма не является популярным. Более важное значение здесь имеет принцип *методологического институционализма*, соответствующий холистическому подходу к анализу социальных (в т.ч. экономических) систем.

В-третьих, предпосылка методологического индивидуализма (отражающая редукционистский подход в общественных науках) и предпосылка методологического институционализма (как отражение холистического подхода) отражают принципиально различные взгляды на характер функционирования и развития экономической системы и дополняют друг друга. Как человек меняет очки «для близи» и «для дали» в зависимости от необходимости рассмотреть те или иные явления и предметы, так и ученый в зависимости от своих исследовательских задач опирается на тот или иной корпус исходных предпосылок. В данном случае можно провести аналогию с ситуацией в физике, где в первой половине XX в. шли дискуссии о природе света. Тогда одни ученые полагали, что свет представляет собой частицу, а другие - волну, при этом та и другая группа исследователей опиралась на строгие данные экспериментов. Дискутантов примирила формулировка Нильса Бора о принципе дополнительности, что способствовало распространению корпускулярно-волновой теории света.

"Дополнительность, - писал Бор, - мы понимаем в том смысле, что оба аспекта (свет как волна и свет как частица) отражают одинаково важные свойства световых явлений, причем эти свойства не могут вступать в явное противоречие друг с другом" (Бор, 1961. С. 18). Сосуществование предпосылок методологического индивидуализма и методологического институционализма также соответствует принципу дополнительности. Оба подхода дополняют друг друга в более полном познании свойств экономики, получая знания в рамках отличающихся, не сводимых друг к другу систем понятий. Несводимость в данном случае означает невозможность придерживаться одновременно двух подходов (или их «синтеза») при проведении конкретного исследования, – что не снимает возможности использования либо того, либо другого в серии исследовательских задач.

Независимо от того, на какие принципы опирается исследователь, важнее не противостояние между ними, а «способность к рефлексии второго порядка – связанной с осознанием и осмыслением неизбежных границ и содержательных возможностей собственного подхода» (Радаев, 2008. С. 120). Принципы методологического индивидуализма и методологического институционализма имеют их, как имеют и дополняющие друг друга перспективы своего применения.

Литература

Автономов В. (ред.) (2001). История экономических учений. / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, гл. 36. [Avtonomov V. (ed.) (2001). History of Economic Thought. / (Eds.) V. Avtonomov, O. Ananyin, N. Makasheva : Tutorial. Moscow: INFRA-M, Ch. 36]

Автономов В. (2013). Абстракция мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и

экономической политики) // Вопросы экономики, № 4. С. 4-23. [Avtonomov B. (2013). Is an abstraction the mother of order? (Historical and methodological considerations on the relationship between economics and economic policy) // Economic Issues, № 4. P. 4-23].

Автономов В.С. (сост.). (1992). Австрийская школа в политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М.: Экономика. [Avtonomov VS (ed.). (1992). Austrian school of political economy: K. Menger, E. Böhm-Bawerk, F. Wieser. Moscow: Ekonomika].

Автономов В.С. (2010). От «экономического империализма» к стремлению к обогащению. // Общественные науки и современность, № 3. С. 173-176. [Avtonomov VS (2010). From "economic imperialism" to the enrichment desire. // Social Sciences and Modernity, № 3. P. 173-176]

Ананьин О.И. (2002). Компаративистика в методологическом арсенале экономиста. Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН. [Ananyin OI (2002). Comparative studies in the methodological arsenal of an economist. Working paper. - Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.]

Ананьин О.И. (2013). Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН. [Ananyin OI (2013). Ontological assumptions of economic theory. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.]

Аршинов В. И. (2001). Редукционизм. / Новая философская энциклопедия. Том 3. М.: Мысль. [Arshinov VI (2001). Reductionism. / New Encyclopedia of Philosophy. Volume 3. Moscow: Mysl.]

Балацкий Е.В. (2012). За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности. //Общественные науки и современность, № 4. С. 138-149. [Balatsky EV (2012). Outside of "economic imperialism": overcoming of complexity. // Social Sciences and Modernity, № 4. P. 138-149].

Бессонова О.Э. (2012). Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики, № 8. С. 122-144 [Bessonova OE (2012). Institutional matrix for the modernization of Russia // Economics Issues, № 8. P.122-144].

Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД. [Blaug, M. (1994). Economic thought in retrospective. Moscow: Delo LTD.]

Блауг М. (2002). Тревожные процессы в современной экономической теории. Чем на самом деле занимаются экономисты / К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки. М: ИМЭМО РАН. [Blaug, M. (2002). Anxiety processes in modern economic theory. What are actually economists doing / Toward the question of the so-called "crisis" of economics. Moscow: IMEMO.]

Бор Н. (1961). Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностранной литературы. [Bohr N. (1961). Atomic physics and human knowledge. - Moscow: Publishing House of Foreign Literature.]

Веблен Т.(2006/1898). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [Veblen, T. (2006/1898). Why is economics not an evolutionary science? / Beginnings. From experience of studying the economy as a structure and process. Moscow: Univ. House HSE.]

Вудфорд М. (2012). Что не так с экономическими моделями (Ответ Джону Кэю). // Вопросы экономики, № 5. С. 14-21 [Woodford, M. (2012). What is wrong with the economic models (Response to John Kay). // Economic Issues, № 5. P. 14-21].

Давыдов Ю. Н. (сост.) (1990). Современная западная социология. Словарь. / Сост. Давыдов Ю. Н., Филиппов А.Ф. М.: Издательство политической литературы. [Davydov, N. (ed.) (1990). Modern Western sociology. Dictionary. / Comp. Davydov, N., A. Filippov Moscow: Publishing of political literature].

Дзарасов С.С. (ред.) (2004). Теория капитала и экономического роста: Учеб. пособие. / Под ред. С.С. Дзарасова. М: Изд-во МГУ. [Dzarasov SS (Ed.) (2004). The theory of capital and economic growth: Tutorial. / SS Dzarasov (Ed.). Moscow: Moscow State University.]

Дози Дж. (2012). Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы. // Вопросы экономики, № 12. С. 31-55 [Dosi, J. (2012). Economic coordination and dynamics: some elements of an alternative "evolutionary" paradigm. // Economic Issues, № 12. P. 31-55].

Допфер К. (2008). Истоки мезоэкономики // "Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие". Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14-15 сентября 2007, г. Пущино, Московская область. М: Институт экономики РАН. [Dopfer K. (2008). The origins of meso-economy // "Evolutionary theory, the theory of self-reproduction, and economic development." Proceedings of the 7th International Symposium on Evolutionary Economics, 14-15 September 2007,

Pushchino, Moscow region. Moscow: The Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.]

Иванов В. Н. (гл. ред.). Социологическая энциклопедия. (2004). / Гл. ред. В.Н. Иванов. М: Мысль. Том 1. [Ivanov, V. (Ch.Ed.). Sociological Encyclopedia. (2004). / Ch. Ed. VN Ivanov. Moscow: Mysl. Volume 1.]

Казютинский В.В. (2000). Антропный принцип. / Новая философская энциклопедия. Том 1. М.: Мысль. [Kazyutinsky VV (2000). The anthropic principle. / New Encyclopedia of Philosophy. Volume 1. Moscow: Mysl.]

Кейнс Дж. М. (2012/1936). Общая теория занятости, процента и денег / Пер. проф. Н. Н. Любимова. М.: Гелиос АРВ. [Keynes, JM (2012/1936). General Theory of Employment, Interest and Money / Lyubimov N (transl.). М.: Helios ARV.]

Кирдина С.Г. (2001/2000). Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. [Kirdina SG (2001/2000). Institutional matrices and development of Russia. Novosibirsk: IEiOPP SB RAS.]

Кирдина С.Г. (2007). Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. № 2(37). С. 34-51. [Kirdina SG (2007). Models of economy in the theory of institutional matrices / / Economics of Contemporary Russia. Number 2 (37). P. 34-51]

Кирдина С.Г. (2013). К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН. [Kirdina SG (2013). Rethinking the methodological individualism principle. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences].

Клейнер Г.Б. (2013). Системная экономика как платформа развития современной экономической теории. // Вопросы экономики, № 6. С. 4-27 [Kleiner GB (2013). Systemic economics as a platform of modern economic theory elaboration. // Economic Issues, № 6. P. 4-27].

Коммонс Дж. (2007/1936). Институциональная экономика. Пер. с англ. // Экономический вестник Ростовского университета. Том 5, № 4. С. 59-70. [Commons J. (2007/1936). Institutional Economics. // The Newsletter of Rostov University. Volume 5, № 4.P. 59-70].

Кузьмина М.А. (2006). Метафора как элемент методологии современного научного познания. // СОЦИС, № 2. С. 42-51 [Kuz'mina MA (2006). Metaphor as an element of the methodology of modern scientific knowledge. // SOCIS, № 2. P. 42-51].

Кун Т.С. (1975). Структура научных революций. М.: Прогресс. [Kuhn, TS (1975). The Structure of Scientific Revolutions. Moscow: Progress Publishers.]

Кэй Дж. (2012). Карта - не территория: о состоянии экономической науки. // Вопросы экономики, № 5. С. 4-13 [Kay, J. (2012). Map is not a territory: on the state of economic science. // Economic Issues, № 5. P. 4-13].

Лившиц В. Н. (2013). Основы системного мышления и системного анализа. М.: Институт экономики РАН. [Livshits, VN (2013). Fundamentals of systemic thinking and systems analysis. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.]

Малков С.Ю. (2009). Социальная самоорганизация и исторический процесс. Возможности математического моделирования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». [Malkov SJu (2009). Social self-organization and historical

process. The mathematical modeling opportunities. Moscow: Publishing House «LIBROKOM»].

Марача В. Г. (2003). Структура и развитие науки с точки зрения методологического институционализма // Методология науки: проблемы и история. М.: ИФ РАН. [Maracha VG (2003). The structure and development of science in terms of methodological institutionalism / / Methodology of science: problems and history. Moscow: Russian Academy of Sciences IF.]

Маркс К. (1955). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта// Соч. 2-е изд. Т. 8. - М.: Госполитиздат. [Marx, K. (1955). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // Vol. 2nd ed. Т. 8. - Moscow: Gospolitizdat.]

Маркс К., Энгельс Ф. (1955). Святое Семейство, или Критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Соч. 2-е изд. Т. 2. - М.: Госполитиздат. [K. Marx and F. Engels (1955). The Holy Family, or Critique of Critical Criticism. Against Bruno Bauer and Company / / Vol. 2nd ed. Т. 2. - Moscow: Gospolitizdat.]

Маркс К., Энгельс Ф. (1968). Избранные произведения. - М.: Прогресс. [K. Marx and F. Engels (1968). Selected works. - Moscow: Progress Publishers.]

Нельсон Р., Уинтер С. (2002). Эволюционная теория экономических изменений. М.: Изд-во «Дело». [Nelson, R., Winter, S. (2002). An Evolutionary Theory of Economic Change. Moscow: Publishing House of the "Business".]

Нестеренко А. Н. (2002). Экономика и институциональная теория. М.: УРСС. [Nesterenko, AN (2002). Economics and institutional theory. Moscow: URSS.]

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». [North D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Economic book's foundation "Nachala"]

Ольсевич Ю. Я. (2013). Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М.: Институт экономики РАН. [Olsevich YU (2013). *The current crisis of "mainstream" and its appraisals by mainstream representatives (preliminary analysis)*. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences].

Ольсевич Ю.Я. (2007). О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения// Montenegrin Journal of Economics. December. С. 13-41. [Olsevich YU (2007). *About psychogenetic and psychosocial basis of economic behavior* / / Montenegrin Journal of Economics. December. P. 13-41].

Осипов Г.В. (ред.). Социологический словарь. (2010). / Отв. редакторы Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М: ИНФРА-М. [GV Osipov (ed.). *Sociological Dictionary*. (2010). / GV. Osipov, L Moskvichev (Eds.). Moscow: INFRA-M.]

Поланьи К. (2002). Экономика как институционально оформленный процесс. // Экономическая социология. Электронный журнал, том 3, № 2. С. 58-69. [Polanyi, K. (2002). *Economy as Instituted Process*. // *Economic Sociology. Electronic Journal*, Volume 3, № 2. P. 58-69].

Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа. // Общественные науки и современность, № 2. С. 101-111. [Polterovich V. (2011). *Becoming of a general social analysis*. // *Social Sciences and Modernity*, № 2. P. 101-111].

Радаев В.В. (2008). Экономические империалисты наступают. Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*, № 6. С. 116-123. [Radaev VV (2008). Economic imperialists are coming. What have sociologists to do? // *Social Sciences and Modernity*, № 6.P. 116-123].

Райт Э.О. (2007). Что такое аналитический марксизм? // *Вопросы экономики*, № 9. С.121-138 [Wright EO (2007). What is Analytical Marxism? // *Economic Issues*, № 9.P. 121-138].

Смирнова Н.М. (2000). Антропоцентризм. / *Новая философская энциклопедия. Том 1. М.: Мысль.* [Smirnova, NM (2000). Anthropocentrism. / *New Encyclopedia of Philosophy . Volume 1. Moscow: Mysl*].

Сопин В.С. (2009). Эволюционная теория в экономической науке: проблемы и перспективы. // *Проблемы современной экономики*, № 3 (31). С. 68-73 [Sopin VS (2009). The evolutionary theory of economic science: problems and prospects. // *Problems of the modern economy*, № 3 (31). P. 68-73].

Тамбовцев В.Л. (2008). Перспективы «экономического империализма» // *Общественные науки и современность*, № 5. С. 129-136. [Tambovtsev VL (2008). The prospects of "economic imperialism." / / *Social Sciences and Modernity*, № 5. P. 129-136].

Фролов Д. П. (2002). Институционализм в метаконкуренции экономических теорий // *Материалы научной сессии. Вып. 1: Экономика и финансы. Волгоград: Изд-во ВолГУ.* [Frolov, DP (2002). Institutionalism in meta-competition of economic theories / / *Proceedings of the session. Issue 1: Economy and Finance. Volgograd: Publishing House of the VolGU.*]

Фролов Д. П. (2008). Методологический институционализм: новый взгляд на эволюцию экономической науки. // Вопросы экономики, № 11. С. 90-101 [Frolov, DP (2008). Methodological institutionalism: a new look at the evolution of economics. // Economic Issues, № 11.P. 90-101].

Хаиткулов Р.Г. (2009). Феномен аналитического марксизма / Сборник докладов участников Российского экономического конгресса. М: ИЭ РАН. [Haitkulov RG (2009). The phenomenon of analytical Marxism / Proceedings of the Russian Economic Congress. Moscow: Institute of economics RAS].

Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории / Пер. с англ. М: Дело. [Hodgson, J. (2003). Economics and institutions: A manifesto for a modern institutional economics.. Moscow: Delo].

Худокормов А.Г. (ред.) (2007). История экономических учений (современный этап). / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. М: ИНФРА-М. [Khudokormov AG (ed.) (2007). History of Economic Thought (present stage). / AG Hudokormov (Ed.). Moscow: INFRA-M.]

Худокормов А.Г. (2009). Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Учеб. пособие. - М: ИНФРА-М. [Khudokormov AG (2009). Economic theory: Newest Trends in the West: Tutorial. Moscow: INFRA-M.]

Шаститко А.Е. (2002). Новая институциональная экономическая теория. Третье издание. М: ТЕИС. [Shastitko AE (2002). New Institutional Economics. The third edition. M: TEIS.]

Шумпетер Й.А. (2004/1954). История экономического анализа. Т. 2. Санкт-Петербург: Экономическая школа, Высшая школа экономики. [JA

Schumpeter (2004/1954). *History of Economic Analysis*. Vol. 2. St. Petersburg: The School of Economics, High School of Economics.]

Agassi J. (1960). *Methodological Individualism*. In: O'Neil J.(Ed.) *Modes of Individualism and Collectivism*. London: Heinemann.

Agassi, J. (1975). "Institutional Individualism." // *British Journal of Sociology*, 26. P. 144-155. Reprinted in: J. Agassi and I. C. Jarvie, *Rationality: The Critical View*, Dordrecht: Kluwer, 1987.

Becker G. S. (1976). *Economic Approach to Human Behaviour*. Chicago: University of Chicago Press.

Coase R. H. (1984). *The New Institutional Economics*. // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*, 140 (1). P. 229-231.

Colander D., Holt R., and Rosser J.B., Jr. (2004). *The Changing Face of Mainstream Economics*. // *Review of Political Economy*, 16 (4). P.485-499.

Dequech D. (2007). *Neoclassical, Mainstream, Orthodox, and Heterodox Economics*. // *Journal of Post Keynesian Economics*, 30 (2). P. 279-302.

Dosi G. (2012). *Economic Coordination and Dynamics: Some Elements of an Alternative "Evolutionary" Paradigm*. LEM Papers Series 2012/08, Laboratory of Economics and Management (LEM), Sant' Anna School of Advanced Studies, Pisa, Italy.

Dugger, W. M. (1990). *The New Institutionalism. New But Not Institutionalism*. // *Journal of Economic Issues*, vol. XXIV, 2, June. P. 423-431.

Edgeworth F.Y. (1881). *Mathematical Psychics*. London: C. Kegan Paul & Co.

Eucken W. (1939). *Die Grundlagen der Nationalökonomie*. Jena: Gustav Fischer.

Eucken W. (1965). *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*. Rowohlt: Reinbek.

Furubotn, E. (1993). The New Institutional Economics. Recent Progress; Expanding Frontiers. // Journal of Institutional and Theoretical Economics, 149 (1). P. 1-10.

Gintis H. (1987). Review on Analytical Marxism by John Roemer // The American Political Science Review, 81 (3), Sep. P. 983-985.

Gruchy A. (1947). Modern Economic Thought. The American Contribution. New York: Prentice Hall.

Hodgson G. (2007). Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // Organization Studies 28 (1). P. 95-116.

Jarvie J. (1972). Concepts and Society. London: Routledge & Kegan Paul.

Johnson, R.N. (1999). Book review of the Institutions and economic theory. The contribution of the new institutional economics by Furubotn, E. and Richter, R., // Public Choice, vol. 100. P. 149-152.

Keizer P. (2007). The Concept of Institution in Economics and Sociology, a Methodological Exposition. Working Papers. 07-25. Tjalling C. Koopmans Research Institute - Utrecht School of Economics, Utrecht University.

Langlois, R.N. (1989). What is Wrong with the Old Institutional Economics (and What is still Wrong with the New?) // Review of Political Economy, 1 (4). P. 272-300.

Lavoie M. (1992). Foundation of Post-Keynesian Economic Analysis. Aldershot, UK, and Brookfield, VT, USA: Edward Elgar.

Lawson T. (2006). The Nature of Heterodox Economics. // Cambridge Journal of Economics, 30 (4). P. 483-505.

Lukes S. (1973). Individualism. Oxford: Blackwell.

Mäki U. (1993). Economics with Institutions. Agenda for a Methodological Enquiry. In: Mäki, U., Gustafsson, B. and Knudsen, C. (Eds). Rationality, Institutions, and Economic Methodology. London: Routledge.

Marshall A. (1890). Principles of Economics. Volume: 1. London: Macmillan and Co.

McCormick K. R. (2006). Veblen in Plain English. A Complete Introduction to Thorstein Veblen's Economics. Youngstown, New York: Cambria Press.

Mill J. S. (1961). "Utilitarianism" in Max Lerner, Ed.. Essential Works of John Stuart Mill. New York: Bantam Books.

North D.C. (1993). Five Propositions about Institutional Change. Econ WPA. Economic History, № 9309001.

O'Hara P.A. (2000). Marx, Veblen and Contemporary Institutional Political Economy: Principles and Unstable Dynamics of Capitalism", Cheltenham, U.K and Northampton, Mass.: Edward Elgar.

Polanyi K. (1957). The Economy as Instituted Process. / The Sociology of Economic Life. Mark Granovetter and Richard Swedberg (eds.). Boulder, CO: Westview Press.

Rutherford M. (1994). *Institutions in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rutherford, M. (1984). Thorstein Veblen and the Process of Institutional Change. // *History of Political Economy*, 16 (3). Fall. P. 331-348.

Rutherford, M. (1989). What is Wrong with the New Institutional Economics (and What is Still Wrong with the Old)? // *Review of Political Economy*, 1 (4). P. 299-318.

Sandstrom, G. (2012). Instead of Capitalism vs. Socialism: a Proportion-seeking Review of Two Contemporary Approaches in China and Russia. // *Montenegrin Journal of Economics*, 8 (4). P. 43-60.

Schmid, A. A. (1987). *Property, Power, and Public Choice*. New York: Praeger Publishers.

Seckler, D. (1981). Individualism and Institutionalism Revisited. A Response to Professor Bush// *American Journal of Economics and Sociology*, 40 (4), Oct. P. 415-425.

Toboso F. (1995). Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: the Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics. // *European Journal of Law and Economics*, 2 (1). P. 63-84.

Toboso F. (2001). Institutional individualism and institutional change: the search for a *middle way* mode of explanation. // *Cambridge Journal of Economics*, 25 (6), November. P. 765-783.

Toboso F. (2008). On institutional individualism as a *middle way* mode of explanation for approaching organizational Issues, chapter 10 in Mercurio, N. (Ed.), *Alternative Institutional Structures: Evolution and Impact*. London: Routledge.

Udehn L. (2001). *Methodological individualism: Background, history and meaning*. London: Routledge.

Udehn L. (2002). The Changing Face of Methodological Individualism. // *Annual Review of Sociology*, 28. P. 479–507.

Veblen T. (1919/1990). *The Place of Science in Modern Civilization*. New Brunswick and London: Transaction Publishers.

Watkins J.M. (1952). Ideal Types and Historical Explanation. // *British Journal for the Philosophy of Science*, 3, May. P. 22-34.

Wilber Ch. K., Harrison R.S. (1978). The Methodological Bases of Institutional Economics. Pattern Model, Storytelling, and Holism. // *Journal of Economic Issues*, 12 (1), March. P. 61-89.

Williamson O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*, 38 (3). P. 595-613.

Woodford M. (2009). Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // *American Economic Journal: Macroeconomics*, 1(1). P. 267-279.

Young D. (2002). The meaning and role of power in economic theories // In: Hodgson G. M. (Ed.). *A modern reader in institutional and evolutionary economics: key concepts*, Cheltenham: Edward Elgar.

Methodological Individualism and Methodological Institutionalism

Kirdina Svetlana

Institute of Economics, Russian academy of science

Moscow, Russia

In the paper the capabilities and limitations of *methodological individualism* as a core principle of mainstream economics are explored. The recent debate dealing with methodological individualism in Russian and foreign economics is considered. *Institutional individualism* principle is tested. As a challenging view, premises for *methodological institutionalism* are offered and considered as an alternative and complimentary precondition of the different *vision* for economic theory. Methodological institutionalism is articulated as a pillar for the new conceptual core of heterodox economics.

Keywords: methodological individualism, methodological institutionalism, institutional theory

JEL Classification: B50, B51, B52

Кирдина Светлана Георгиевна kirdina@bk.ru